

Андрей Тарасов

РЕАНИМАЦИЯ И ЛИКВИДАЦИЯ

Станция «Салют» — полигон и лаборатория будущего

Мало на каком плацдармике нашего космического бытия раскручивались ситуации, очень важные для будущих внеземных проектов. Несколько штрихов в подтверждение.

Как сейчас помню: 22 мая 1985 года. Центр подготовки космонавтов, пресс-конференция новоулетающего экипажа. Под софитами — Владимир Джанибеков и Виктор Савиных. Один собирается в пятый рейс, другой — во второй. И очень внепланово. Лишь год назад, напомним, командир открыл снаружи станции «мастерскую» по сварке, пайке, напылению разных металлов в космическом вакууме с подмастерьем — Светланой Савицкой. И вот семейный летний отдых по

боку — супермастера снова призвали.

Виктор Савиных — бывший студент и дворник институтского двора, будущий ректор МИИГАиКа (Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии), конструктор орбитальной оптики, за день до отлета экстренно защищает кандидатскую, чтобы не вылететь из аспирантуры... Во всем сквозит экстренность.

— Программа нового полета... — начал было новый командир брать быка за рога...

— О программе ни слова! — крик из зала, и через него к президиуму бежит человек, чтобы встать между нами и космонавтами. — Товарищи, про-

грамму не обсуждать! Запрещено говорить!

И человек-то хороший. Начальник режима. Именно благодаря которому можно попасть на тренировку и подолгу сидеть в станции вместе с экипажем, постигая долгими часами тонкости будущего полета. Из-за этого только ленивый и слепоглухонемой среди нас не знает программы, однако вслух официально — запрещено. Сам генерал Береговой оправдывается: «Я в прошлый раз проговорился, что должны двигательную установку ремонтировать, так мне в «хрустальном доме» так всыпали — до сих пор рубцы горят! Нет, больше не хочу!»

Потому великий советский народ знать не знает, что его слава и гордость — космическая станция «Салют-7» — уже полгода как мертвецки мертва. Фактически — НЛО. С самого января перестала отвечать на запросы и принимать команды. То ли обесточена до полного нуля. То ли выгорела от пожара и взрыва. Или торпедирована жутким метеоритом? Неизвестность, полная кошмарных догадок. Не слетаешь — не разгадаешь. Ясно, что предстоит невиданная, рискованная, опаснейшая экспедиция.

Посчастливилось близко, в земном тренажере видеть изнутри ее репети-

цию. Джанибеков часами «стыковался» с хаотично крутящейся станцией, попадая в «десятку» причала. Отрабатывали вход в отравленную атмосферу после сгорания. В «змеепитомнике» из множества кабелей, шнуров и шлангов тестировали и реанимировали вышедшие из строя блоки, системы, приборы... В это время баллистики рассчитывают новую схему сближения корабля с «глухонемым», или «некооперируемым», объектом. Конструкторы дооснащают корабль дополнительными постами наблюдения и управления... Жизнеобеспечители пошивают и испытывают в Заполярье арктическую одежду... Составляется особая «красная книжка» — инструкция действий и экстренных мер на все случаи жизни, от льда до пламени. Но разве предусмотреть их все? Прогнозы часто пессимистичны. «Я думаю, один шанс из сотни, что стыковка пройдет», — слышу из кучки специалистов, облепивших какой-то пульт с ЭВМ...

Эх, размышлял я, родные наши партия и правительство. Как бы мы сейчас приковали к этим двоим и вообще к космонавтике миллионы зем-

*Джанибеков и Савиных.
Подготовка к полету*

Реанимация
«Салюта-7»

лян. Какой внезапной триллер разыгрывался бы в реальном времени. Где ваши торжественно объявленные гласность и перестройка? В пугливом стартовом сообщении ТАСС (6 июня 1985 г.): «Программой полета предусматривается проведение совместных работ с орбитальной научной станцией «Салют-7». В настоящее время станция, находящаяся на околоземной орбите более трех лет, совершает полет в законсервированном состоянии. Бортовые системы корабля работают нормально, самочувствие экипажа хорошее». Простенько и со вкусом.

Не дежурил наш народ у включенных приемников и телевизоров, не переживал за сборную наших «космиков» больше, чем за футбол или хоккей, как должно было быть. Не рукоплескал выстрадавшему: «Есть механическое соединение». Может, в такие моменты и рождалось равнодушие к космонавтике.

А как бились мы с цензурой за простую, вырвавшуюся у них от души фразу: «Колотун, братцы!» при вступлении в замороженный склеп. Наши бедные технические эксперты названивали на самый верх и часами ждали политического решения. Не догадает-

ся ли народ, что там все мертвецки мертво и станцию сковала ледяная могильная тишина? Ни один приборчик не урчит, ни один диодик не светится. По всем конструктивным установкам станция была невосстановима. Севшие до нуля химические батареи умертвили ее. Причину выявили потом. Один маленький электронный сигнальщик полной зарядки этих буферных батарей «сбрендил» и стал сигналить преждевременно, когда зарядка от солнечных панелей еще не произошла. Их обнуление и вызвало отключение всех систем.

В жутком холоде, без горячей пищи и чая, экономя каждую каплю воды (она заледенела в баках), греясь в корабле и ночуя в меховых доспехах, они совершили невероятное. Выручила изобретательность — напрямую, без «посредника», соединили химбатарею с солнечной и добились зарядки. Где зарядка — там и первая лампочка, там проверка аппаратуры. Включение или продуманный заранее ремонт с заменой блоков... А это — вскрытие всех «потрохов» станции под десятками панелей на полу, стенах и потолке... Но «чтоб никто не догадался», по известной советской песне. На наших

глазах при ТВ-репортажах изнутри «Салюта» им указывали перед включением кадра: «Вы шапочки-то снимите, у нас же там полный ажур. Минуты полторы-две, как — продержитесь? И лица сделайте повеселее...» Между тем Виктор пишет в дневнике о первом «банкете» в честь возвращения электричества: «Совсем другая жизнь! Вечером даже разогрели консервы и хлеб и ужинали уже горячее». Первая горячая еда за неделю полета, пусть хоть «завтрак туриста». Он же — «камелек» от простуды командира: дают кашель, насморк, без капельки тепла совсем какук. «Ноги Володе отогревали горячими банками, которые подогрели к ужину...»

Из сопутствующих неприятностей, кроме холода и сухомятки, — полные «мешки» углекислого газа вокруг каждого дышащего (до пуска вентиляторов). Незаметно-незаметно начинает гудеть голова, тянет в сон, одолевает усталость. Тут шаг и до дыхательного отравления. Меры принимают свои, кустарные. Джан старается сильно и далеко выдыхать, отгоняя угар. Виктор обмахивается бортжурналом, как веером, разгоняя опасное облако. Дохнуть по-человечески, регенерированным воздухом — ныряешь в корабль...

Так при непрерывном «мозговом штурме» снизу были введены системы управления и жизнеобеспечения, научное оборудование, приняты грузовики с запчастями. Домашние заготовки непрерывно обогащались бор-

Светлана Савицкая работает в открытом космосе

товой импровизацией. И ни одного гладкого дня... Только в августе, когда все заработало, в самой правдивой «Правде» статья Константина Феоктистова под заголовком «Мужество «Памиров» открыла народу глаза. Но главного уже не было — сопережива-

ний. ...Возвращались врозь. Экстремала Джанибекова сменил «штатный» (доаварийный) командир этой экспедиции Владимир Васютин, третьим стал Александр Волков. При смене в каче-

стве инспектора станцию обследовал инженер, конструктор, космонавт Георгий Гречко. Дальше все могло идти как по нотам. А «ноты» уже предусматривали множество интересных событий. Осенью — выход в открытый космос Васютина и Савиных. Весной, в марте — прием целой женской делегации. Во главе с многоопытной Светланой Савицкой должны были прилететь дебютантки Елена Доброквашина и Екатерина Иванова. Женский экипаж считался сильнейшим пропагандистским ходом академика Глушко, который любил такие сенсации.

Но звездный бал не состоялся. Знаете ли вы, что такое наведенная индукция? Нет, не знаете. А вот они узнали. Это когда на том же месте случается то же самое. Три года назад (1982) почечными коликами командира Анатолия Березового досрочно заканчивалась первая экспедиция на «Салют-7» (бортинженер Валентин Лебедев). Теперь в такое же осеннее утро, за день до выхода, схватился за пах «Чегет-1». Сперва надеялись проскочить, Землю не беспокоить. Срывать программу жутко не хотелось. Но драма разыгралась всерьез. Какой там выход. Вызвали закрытый медицинский канал. Медики довольно быстро определили (для нас секрет Полишинеля) мужской приступ с воспаленной предстательной железой. Простатит. Кто испытал, тот скажет. Острая режущая боль, мочевого пузырь полный, а проходимости нет.

Вместо «скорой» внизу у микрофонов дежурят ведущие урологи, сам главный медик, академик генерал Газенко. Дистанционно рекомендуют антибиотики и обезболивающие таблетки из бортовой аптечки... Между срочными рекомендациями ищут меж собой виновных — кто допустил к полету с такой предпосылкой! Больной наверху стонет от боли и горя, что сорвал программу. Признается, что схватил простуду на тренировке в гидробассейне и скрыл от врачей приступ. Заглушил и думал — пронесло. Теперь сквозняки свое взяли. К таблеткам прибавается личный экстрасенс главного конструктора

Валентина Петровича Глушко с «уговорами» боли и пузыря. Не помогло. 21 ноября протрубили посадку. Прощальная дневниковая запись Виктора Савиных: «Невольно вспомнилась последняя фраза из «На дне» М. Горького: «Такую песню испортил...»

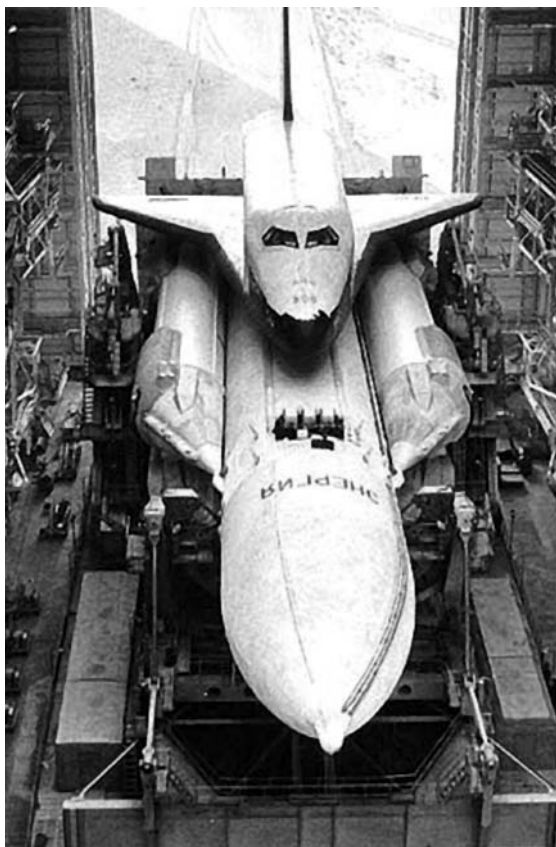
Сердитые языки тех, кому после этого труднее стало притаивать свои недомогания от глаз врачей, чтобы проскочить для полета усиленный «тест на Васютина», добавили, что не в гидробассейне дело. А в застарелом «гусарском насморке», который смолду бравый военный летчик утаил от врачей. Теперь-то, когда виновника нет на свете, все равно думаешь: какие разные в этом деле могут быть Несчастливцевы... Включая и саму станцию.

Американцы сняли душераздирающий фильм о ее спасении по мотивам нашей экстремальной экспедиции. Наше художественное кино не откликнулось. А была и последняя серия, заставившая мир вздрогнуть уже в прямом эфире. Когда «семерка» нависла над ним, подобно «космической гильотине».

Последняя уникальная челночная ходка Кизима с Соловьевым — перевозка ценного оборудования с «Салюта-7» на «Мир». Все внимание новому долгоиграющему комплексу. А что делать с этой обузой? И красивая появилась идея. Вместо утопленного отслужившей, но ценной для исследований машины — продлить ее век. Поднять с помощью тяжелого корабля (последнего грузовика) «Космоса-1436» на высоту 500 километров (обычная высота — 300). Там, по законам гравитации, она застрянет лет на 15 — 20. Тогда появятся новые транспортные средства, чтобы снова дозаправить и обследовать ветерана. И даже доставить на Землю в грузовом отсеке «Бурана», у которого тогда было большое будущее. Сбылась бы золотая мечта разработчиков — долговременные ресурсные испытания в «боевых» условиях, а не в земных стендах и лабораториях. Двадцать лет тогда казались таким сроком, что и коммунизм снова сбудется.

Но уже в 1990-м во всем мире газеты трубили о будущей бомбардировке их городов и весей обломками 40-тонного комплекса, нашпигованного всякими ядовитостями. Помалкивала, разумеется, только наша самая правдивая советская пресса. О том, что последний из «Салютов» уверенно идет на преждевременный и неуправляемый спуск. 40-тонная махина может посыпаться на головы людей городов и весей в любом месте планеты в «узенькой» полосе от 51 градуса северной до 51 градуса южной широты. То есть от Канады до кончиков южных ногтей Африки и Америки. Цели-то какие заманчивые для обломочной бомбардировки: и родная Москва, и Рим, и Ташкент, и Владивосток, и Токио, и Сидней, и Нью-Йорк... Несгоревшие обломки и осколки обещали выпасть на полосе длиной в

«Буран» — «Энергия»

9 тысяч километров... И среди них «главный приз» — особо прочный трехтонный спускаемый аппарат «Космоса». Ну и до 250 очень жаростойких кусков. Так что один подарок мог проломить крышу в Оренбурге, другой в Пекине, третий в Токио...

Виновником определили невероятную солнечную активность, которая разогрела и «вздула» пузырь атмосферы, что и скоростно затормозило комплекс, вынудив его к «слалому-гиганту». И не сделать его управляемым — все топливные баки для маневров пусты...

...Последняя ночь с 6 на 7 февраля 1991 года. ЦУП может лишь в последний момент оповестить планету и пункт назначения с его спящим или бодрствующим населением о грозящей опасности. Но это станет известно буквально на последнем витке. Прогноз траектории рассчитывают баллистические группы, измерительные, астрономические, математические центры в самом ЦУПе, войсках ПВО и КП Космических сил, Академии наук плюс зарубежные комплексы. Главная оперативная группа принимает доклады, чтобы объявить «точку Ч». Председатель группы, большой, как гора, Юрий Николаевич Коптев, замминистра общего машиностроения СССР (псевдоним космического ведомства), в окружении генералов и ведущих спецов отрасли только отдувается от сменяющих друг друга прогнозов на каждый текущий виток. Их паутина на карте мира аппетитно покрывает Мадрид и Рио-де-Жанейро, Москву и Шанхай, Севастополь и Джакарту... Прогнозы вероятностей падения чутко слушает и представитель МИДа, который нажмет на «сирену» для оповещения зарубежных стран через свое ведомство. Он то и дело вздрагивает от названий государств, с которыми, возможно, придется улаживать последствия космической «бомбардировки». Или ложной тревоги с переполохами и эвакуациями миллионов людей...

Дело усугубляется хаотичным вращением связки, летящей то «солдатыком», вертикально к Земле, то «стрел-

кой» над ней. Отсюда разное непредсказуемое торможение от парусности, мешающее рассчитывать трассу. К середине ночи на карте мира все жирнее проступает размашистая дуга, идущая через Южную Америку, наискосок Атлантики, к Гибралтару, дальше через Италию, Грецию, Восточную Европу, Украину, Семипалатинск, Китай, Филиппины, Индонезию... Нервы в том, что пока прогнозисты разных центров дают разброс по всему «коромыслу». Есть от чего бросаться то в жар, то в холод. За три витка до развязки вбегает запыхавшийся гоночник: американцы с мыса Канаверал указывают на регион Средиземного моря, самое населенное его побережье.

— Ой-ей-ей..., — морщится Коптев. И произносит лучшую за всю эту тревожную ночь философскую реплику. — Считают, что в Греции все есть, только этого нет...

После пяти утра крестики «прицела» постепенно концентрируются на юге планеты, там, где «стыкуются» два океана. 05.45... Последний сеанс связи. Последнее «прости». Бортовая телеметрия кажет вполне рабочее состояние станции. Температура, давление, герметичность... У мониторных экранов слышатся слова измотанной дежурной смены.

— Вот уперся... Не хочет, и все...

— Как часы... На нем бы летать и летать...

— Мне кажется, он взлетает... Так и до Европы дотянет...

То-то будет веселья... Но нет. В следующем сеансе сигнал молчит. На мониторах пусто. «Салют» горит в атмосфере. Люди достают кефир, бутерброды, устало разминаются. Теперь остается ждать только зарубежных сообщений. Тех ли предупредили? Вовремя ли известили?

Еще час-другой, и тассовские телеграфы отстукивают первую весточку от агентства «Рейтер». Комплекс рухнул в районе горного массива Анд, на территории Аргентины, вблизи чилийской границы. С началом дня поток сообщений нарастает. Находятся наблюдатели, насчитавшие «около

40 ярких светящихся объектов, которые выделялись на фоне огненного шара оранжевого цвета». «Тысячи очевидцев» в аргентинских провинциях наблюдали в этот ночной час «настоящий огненный дождь».

Нечто более приземленное: от раскаленных осколков вспыхнула свалка города Пуэрто-Мадрид на радость местной санитарной службе... А в городишке Капитан-Бермудес домохозяйка, выскочив в час ночи на шум, увидела во дворе врезавшийся в землю кусок металла со стиральную машину величиной... Упомянут трехметровый фрагмент, найденный в 20 километрах от Буэнос-Айреса. Повезло городу. К счастью, самого тревожного — о жертвах и разрушениях — пока нет. И потом нет. Бог даст — и совсем не будет... С постоянным рефреном: «Советский Союз информировал местные власти о том, что на орбитальной станции отсутствуют токсические, химические и радиоактивные вещества».

...Пора ли забыть эту маленькую и не всегда уютную искусственную пылинку мироздания с ее короткой жизнью? Но представим только все дальнейшие сюжеты нашего неизбежного и необъятного во времени и пространстве путешествия по Вселенной. К каким загадочным безмолвным «некооперируемым» предметам и объектам будут вот так подбираться земляне. К летающим айсбергам, малым и большим планетам, своим потерянными сооружениям или чужим непонятным конструкциям... Какие из них, замороженные космосом, придется реанимировать или колонизировать... Или отражать астероидную и даже кометную угрозу, о которой все больше говорят... Наверняка в каждом случае, как бы фантастичен он ни был, воскресится пусть малая, но частичка «салютовского» опыта. Не только техническая, но и философская...